

Лукашинъ подбѣжалъ къ креслу и удержалъ ее.

— Сидите, — сказалъ онъ ей: — это не въ правилѣ.

Обѣ отставныя танцовщицы встали церемонно и поклонились на особый ладъ.

Зина подошла къ матери быстро, взяла ее за руку, но не поцѣловала ни въ щеку, ни въ темя, что было бы ей всего удобнѣе.

— Кофейку не угодно ли?—спросила Распивина.

Она все еще не рѣшалась говорить Зинѣ „ты“, особенно при постороннихъ.

— Благодарствуйте, — отвѣтила Зина тѣмъ же звукомъ, какъ она говорила Лукашину или, бывало, дворецкому-Егору.

— Садитесь, милые гости, — театральнo-сладкимъ тономъ сказала Распивина, и ея худыя, прозрачныя руки, съ очень длинными пальцами, пришли въ нервное движеніе.

Лукашинъ пододвинулъ Зинѣ кресло; а самъ сѣлъ въ сторону, позади кресла Распивиной.

— Мои товарки, — Распивина указала лѣвой рукой на обѣихъ женщинъ.

Тѣ сѣли послѣ новаго поклона нѣсколько попроще. Онѣ тутъ только стали стѣсняться, и каждая поторопилась допить кофей и отставить чашку.

— Блѣдненькая какая!.. — выговорила Распивина томно и скинула на дочь своими усталыми, красивыми глазами — и тотчасъ же повернула голову назадъ, въ сторону доктора.

Голосъ она также, вмѣстѣ со всею наружностью, передала Зинѣ, въ чемъ та уже сознавалась себѣ самой.. Тонъ отставной корифейки былъ московскій, театральный, только нервнѣе и слаще того, какъ говорятъ обыкновенно устарѣлыя танцовщицы ея лѣтъ, особенно между собой.

Тонъ этотъ, по опредѣленію Зины, могъ быть „во сто разъ“ хуже, вульгарнѣе. Такъ могла говорить и всякая барыня средней руки; такъ говорили даже разныя „кнѣзья“ съ татарскими фамиліями, какихъ она встрѣчала за границей, на водахъ.

Лукашинъ кивнулъ головой и громко сказалъ, почти крикнулъ:

— Въ деревнѣ поправится!

— Да, вѣдь вы въ деревню... Ахъ, вотъ и я бы, да мнѣ съ своего кресла не двинуться...

На глазахъ показались слезы. Зина уже знала, что ея „мама“, отъ болѣзни или отъ чего другого, слезлива... Слезъ ея при „товаркахъ“ она боялась пуще всего.